

С.Л. Невелева

ЗАМЕТКИ О РИТУАЛЕ В «МАХАБХАРАТЕ»

Статья содержит анализ ритуальных связей сюжета так называемой «эпической» части одной из поздних по содержанию книг древнеиндийского эпоса «Махабхарата» — «Шантипарва» («Книга об умиротворении»). Основной корпус книги представляет собой адресованное царю Юдхишхире (и оформленное как традиционная беседа) поучение Бхишмы, наставника эпических героев. Победа, одержанная в битве за власть, не радует царя — убит его старший брат Карна. Отчаянием Юдхишхиры продиктовано его решение порвать все связи с миром и уйти подвижником в лес. В противовес доктрине отшельничества в беседе царя и мудреца утверждается идея необходимости неукоснительного исполнения царем своей дхармы, т.е. предписанных законом обязанностей.

Ключевые слова: «Махабхарата», содержание, древнеиндийский, эпос, ритуальный, беседа, дхарма, сюжет.

S.L. Neveleva

NOTES ON THE RITUAL IN THE MAHĀBHĀRATA

This article contains an analysis of ritual connections of the plot of the so-called “epic part” of one of the later books of the ancient Indian Epic Mahābhārata, the Śāntiparvan (“About conciliation”). The core of the Book is a teaching by Bhishma, a warrior of the older generation, addressed to king Yudhishtira. Victory in the great battle is not pleasing to the king: his elder brother Karṇa was killed. Despair of the king is the reason for his decision to break worldly ties and to leave as a hermit to the forest. In contrast to the doctrine of asceticism, the text stands up for the idea of necessity of fulfillment by the king of his *dharma* (*rājadharma*), i.e., statutory duties.

Keywords: ancient, epic, Indian, the Mahābhārata, conversation, *dharma*, contents, plot.

В процессе многовекового бытования в устной традиции (приблизительно с начала I тысячелетия до н. э. и по первые века н. э.) «Махабхарата» прошла путь от героического до философско-дидактического эпоса. «Многослойное» содержание древнеиндийского эпоса вмещает в себя архаику, классическую героику и позднюю религиозную философию, представляя собой неоценимый источник для историко-типологической реконструкции различных форм деятельности социума, получивших отражение в эпическом тексте [Васильков 2010: 35–41]. В силу содержательной специфики древнеиндийского эпоса, устно-фольклорного по своему генезису, среди его субстратных «корней» важнейшим является ритуал.

Изучение «Махабхараты» с целью установления ее этнографических связей облегчается тем, что в ней представлены их разнообразие формы. Наряду с *отдельными* упоминаниями различных ритуалов¹ встречаются *развернутые* описания обрядовых действий, которые входят в саму ткань повествования, в сюжетную структуру эпоса. Так, в первой книге («Адипарва», главы 176–181) описывается свадебный обряд — *сваямвара* Драупади, которая становится супругой пятерых братьев Пандавов [Махабхарата 1950: 466–499]. Вторая книга — «О Собрании» («Сабхапарва», главы 23–32) — подробно рассказывает о *раджасуге*, царском посвящении Юдхиштыры [Махабхарата 1962]. В третьей книге — «Лесной» — есть детальное описание *сваямвары*, в которой вместе с Налем принимают участие боги [Махабхарата 1987: 121–124]. Та же книга «Лесная» повествует о том, как Пандавы совершают паломничество по сакральному маршруту, обходя *тиртхи* всего субконтинента [Махабхарата 1987: 170–312]².

При всей развернутости изображения ритуальной деятельности, *прямое* этнографическое прочтение подобных эпических текстов едва ли возможно: действительность вовлечена здесь

¹ См., в частности, в книге «Лесной»: агнихотра, агништома, аграяна, апасавья, атиратра, аштакапала, ваджапея, госава, прадакшина [Махабхарата 1987: 786–793]; в книге «О жизни в обители» — поминальные жертвоприношения (2.5, 12; 3.9; 5.15; 17.4, 5, 9, 15–17; 19.11–13, 15; 47.9–13, 15–23). При ссылке на санскритский текст цифра до точки означает номер главы соответствующей книги, после точки — номера стихов.

² О значении «паломнической» темы в «Махабхарате» см. [Васильков 1979 а: 3–14; Vassilkov 2002: 133–157].

в особый, создаваемый самим памятником мир. Наглядным примером тому может служить детальное описание в «Ашвамедхикапарве» (главы 70–93) царского обряда *ашвамедха*, жертвоприношение коня [Махабхарата 2003]. Понимание историко-типологической «разнослойности» содержания «Махабхараты» позволяет увидеть в этом описании и черты глубокой архаики, и ритуальную «классику», и идеи раннего кришнаитского *бхакти*¹.

В тексте постоянно присутствуют ссылки на традицию (*vidhi*), что подтверждает преемственность описания ашвамедхи в эпосе. При этом композиция и стилистические особенности этого описания, естественно, отличаются, в частности, от дискурса ритуальных сутр. Жертвоприношение коня в «Махабхарате», как и в других источниках, изображается как сложный обрядовый комплекс, требующий больших материальных затрат, его заказчиком выступает царь, претендующий на верховную власть. Причем место этого ритуала в композиции «Махабхараты» и «Рамаяны» — после победы героев в битве — предполагает трактовку этого события в свете подтверждения царем своего статуса победителя. Меж тем отчетливо просматривается искупительная цель ашвамедхи: для Юдхиштхиры важно избавиться от греха убийства сородичей, что явствует также из начального фрагмента книги XIV (Шантипарва, гл. 1–16), когда Юдхиштхира винит себя в гибели воинов, павших в битве на Курукшетре, и отказывается от царства.

В ведийском обряде коня выпускают *на волю*, однако в «Махабхарате» конь движется не произвольно, а по кругу *прадакшини*, обхождения земли по часовой стрелке, охватывая полностью весь Индийский субконтинент. Ритуальный конфликт здесь предельно драматизирован: Арджуна, субститут царя, принимает настоящий бой с правителями стран, в пределы которых вступает царь. Ашвамедха в «Махабхарате» выглядит, таким образом, не только как «собрание земель» после победы Пандавов в битве и стремление искупить тяжкий грех, но и как исполнение царем своих обязанностей, связанных с расширением территории царства.

В эпической памяти удерживается самый *общий* рисунок архаического обмена между двумя сторонами социума, просвечи-

¹ Об эпической ашвамедхе в книге XIV см. статьи [Махабхарата 2003: 196–213; Невелева 2010: 197–218].

вающий сквозь сцены щедрого одаривания царем брахманов, отправляющих обряд, а также гостей, прибывающих к царю на жертвоприношение с богатыми дарами (см., например, приготовления к ашвамедхе [Махабхарата 2003: 155–157]). Особенно четки ассоциации с архаическим обменом в завершающем фрагменте эпического *гимна*, связанного с богоявлением¹. Божество, умилованное поднесенным ему в качестве дара гимном, появившись воочию перед просителем, предлагает ответный дар.

В ведийской ашвамедхе важнейшая роль принадлежит богу-творцу Праджапати, тогда как в «Махабхарате» с ним идентифицируется Кришна как главный жрец ритуала. Эпическое осмысление ситуации обмена иллюстрирует эпизод, когда Кришна, в ответ на прославление гимном, который окрашен тонами *бхакти*, провозносит, обращаясь к Юдхиштхире: «Все сделаю я для тебя».

Еще одним примером того, что иногда суть обрядовых действий далекого прошлого превращается для сложившейся эпической традиции в смутные воспоминания, могут служить «просветительские» и в то же время утешительные беседы мудрецов-риши с героями, лишившимися царства в результате проигранной игры в кости. Можно только предполагать, что в этих беседах воспроизводится *схема* религиозного посвящения *dikṣā*². В подобных случаях (возможно, в силу исчезновения того или иного явления из актуальной памяти традиции) в эпосе от него остаются лишь смысловые контуры, и тогда установление картины ушедшего вглубь веков прошлого требует основательной реконструкции.

Однако в «Махабхарате» имеются сюжеты, структура которых выстраивается непосредственно по модели ритуального действия³. Например, в «Сказании о Кирате» (книга «Лесная», главы 39–45) все происходящее с Арджунной соответствует, как показывает Я.В. Васильков, последовательности действий в древнеиндийском обряде царского посвящения *абхишека* с его ориентацией по четырем направлениям [Васильков 1974: 139–158; 2010: 205–209].

¹ О типологии эпического гимна см. статью «Моление о даре» [Невелева 2010: 151–172].

² О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями см. статью [Невелева 2010: 114–150].

³ Подробно о прослеживаемых соответствиях структуры эпических сюжетов и ритуального действия см. [Васильков 2010: 165–251].

Именно в царском обряде такого типа особое значение имеют пространственные ориентиры — *diśah*, стороны света.

Я.В. Васильков, установив тесное переплетение в эпическом содержании элементов архаики, героической классики и религиозно-философской дидактики позднего эпоса, показал возможность историко-типологического *расслоения* не только содержания, но и художественной системы эпоса [Васильков 2010: 36]. Субстратные связи, и прежде всего ритуальные, затрагивают, наряду с содержанием, сферу композиции эпического текста и явления стиля.

Любой каталог как прием эпической композиции, включающий географические, этнические, ботанические и другие названия, а также имена царей, богов и героев, содержит в *свернутом* виде определенную культурную информацию. Метрическая и смысловая «взвешенность» этих каталогов позволяет им служить готовыми лексическими блоками, облегчающими сказителю процесс импровизации. Так называемый «каталог потлача», вызывающий ассоциации с «эксцессами расточительности» в архаическом обмене, представляет собой набор социально значимых объектов, предлагаемых кому-либо, обычно в критической для «дарителя» ситуации, в обмен на равнозначные, по его мнению, ценности.

В сюжете о том, как Индра отнял серьги у Карны, отдельная глава книги «Лесной» посвящена такому «обмену» между Индрой и Карной [Махабхарата 1987: 586–588]. Индра предлагает Карне в обмен на его серьги и панцирь, обеспечивающие ему бессмертие, землю, драгоценности, многолетний урожай, богатые поселения, стада скота и т. д., что можно толковать в свете ритуальной «похвалы богатством» при архаическом обмене [Васильков 1979: 73]¹.

Значение *метафоры*, уподобляющей битву жертвоприношению, выходит далеко за пределы художественной функции этого приема. Для передачи метафорического смысла здесь используются две темы, первая из которых — жертвенное возлияние огню (например, «принести в жертву огню битвы свое тело»), вторая — уподобление битвы ритуальной игре в кости («Если не хочешь ты этой игры, то пусть состоится игра-битва»). Эпическую «метафо-

¹ Анализ сюжета о Карне в третьей книге «Махабхараты» («сознание инициации») см. в статье [Невелева 2010: 40–51].

ру битвы», сохраняющую, несмотря на усложненность ее стилистического оформления, память об архаической обрядности, следует отнести к древнейшему слою эпической поэтики¹. «Размывание» формульности в такой метафоре, расширение ее текстового пространства связано с усложнением эпического стиля, главным образом, под влиянием литературы *кавья*.

Совершенно особый случай использования метафоры «битва-жертвоприношение» представлен в книге десятой — «Сауптикапарве», «Об избиении спящих воинов» [Махабхарата 1998: 9–50]. Эта ритуальная метафора, в состав которой встроены сравнения, охватывает полностью *все* содержание книги [Невелева 2010: 173–196; Васильков 2010: 277–282]. Безоружные спящие воины «убиты, как убивают жертвенный скот» (*pāsumāreṇa mārītāḥ*), а действия Ашваттхамана, который, в нарушение правил ведения боя, убивает их, дабы отомстить за вероломное убийство Пандавами его отца, поддаются истолкованию в свете принесения кровавой жертвы богу Шиве — к нему обращается сын Дроны молитвой о ниспослании милости².

* * *

С учетом описанного разнообразия форм отображения ритуала в «Махабхарате» обратимся к начальным главам «Шантипарвы»³, книги двенадцатой; этими главами (1–19) открывается экспозиция к обширному наставлению героя старшего поколения Бхишмы, лежащего на смертном одре. Основной корпус текста составляют разделы «Раджадхарма» («О царской дхарме», главы 56–128), «Ападдхарма» («О дхарме [царя] в бедствии», главы 129–167) и «Мокшадхарма» («О дхарме Освобождения», главы 168–363).

Первые главы так называемой «эпической» части «Шантипарвы» (эта часть определяется так потому, что здесь фигурируют

¹ О древнеиндийской эпической метафоре в связи с «многослойностью» ее содержания см. [Васильков 2010: 270–282; Невелева 1991: 124–146; 2011: 20–40; 2014: 60–78].

² О содержании Сауптикапарвы см. статью С.Л. Невелевой [Махабхарата 1998: 109–132].

³ Возможный перевод названия «Шантипарва» — «Книга умиротворения»: царь, потерявший убитыми на поле брани своих сородичей, не может вернуться к правлению царством, пока не преодолеет горя (*śoka*) от этой потери и не обретет умиротворения (*śānti*).

Пандавы, главные персонажи центрального сюжета эпоса) включают беседу старшего Пандавы, царя Юдхиштхиры, с божественным риши Нарадой и, как своего рода ее продолжение, дискуссию Юдхиштхиры с членами семьи — братьями и супругой Драупади, которые являются его совокупным оппонентом. В центре этих эпизодов — фигура царя Юхиштхиры, которому адресованы слова собеседника. Риши Нарада рассказывает Юдхиштхире историю героя Карны, старшего брата Пандавов (об этом родстве им не было известно до его гибели): тот пал, вероломно сраженный, в битве на Курукшетре. Снедаемый чувством вины, Юдхиштхира глубоко раскаивается в братоубийстве, так что даже слова Нарады не облегчают его страданий. В отчаянии он принимает решение оставить царство и удалиться отшельником в лес. Братья стараются убедить его в том, что самое важное для него — вернуть дхарму царя, т. е. принять бразды правления царством, вновь обретенным после победы над Кауравами, дабы совершать жертвенные обряды с богатой *дакшиной*¹, щедро одаривая брахманов, опекая подданных и верша справедливый суд.

В словах близких Юдхиштхиры, как и далее, в «эпической» части «Шантипарвы», прослеживается тема неукоснительного исполнения царем своих обязанностей — *раджадхарма*, подробно освещаемая затем в поучении Бхишмы.

В плане поиска ритуальных соответствий в эпическом тексте показательна *беседа* царя Юдхиштхиры и мудреца-риши Нарады, отмеченная структурной завершенностью, которая свойственна традиционной древнеиндийской модели передачи Знания². Сопоставление основных характеристик беседы эпического героя с мифологическим партнером (риши) в третьей книге «Махабхараты» — «Араньякапарве» («Лесной») позволяет установить особенности эпизода, открывающего «Шантипарву».

Общая для древнеиндийской словесности форма организации содержания по типу беседы «мудрец-царь» свойственна таким разнородным памятникам, как санскритские сборники «обрамленной повести», с одной стороны, и «Вопросы Милин-

¹ Дакшина — дар брахману за совершение жертвенного обряда. Главная идеология всего контекста — необходимость для властителя совершать жертвоприношения с обильными дарами брахманам.

² Подробно о «классической» беседе в «Махабхарате» и сказительстве эпических риши см. [Невелева 2008: 329–351; 2008 а: 277–293].

ды», неканонический буддийский текст — с другой. С точки зрения ролевого распределения участников, эпическая беседа представляет собой скорее неравноправный диалог, в котором царю отводится роль того, кто задает вопросы или же отдельными репликами направляет течение беседы, тогда как мудрецы-риши разворачивает в ответ целостное повествование. За исключением четырех книг, посвященных событиям великой битвы между Пандавами и Кауравами, о которых рассказывает слепому царю Дхритараштре суты Санджая, «Махабхарата» в целом представлена в виде беседы между брахманом Вайшампаяной и царем Джанамаджаей во время длительного жертвоприношения *саттра*.

Книга «Лесная» включает последовательную череду бесед, которые ведут с героями Пандавами в их лесном изгнании святые мудрецы-риши. Эпическая беседа имеет четкую *рамочную* структуру — композиционный прием, выработанный словесностью Древней Индии. *Вводная* часть повествовательного контекста, обрамляющего «классическую» беседу эпоса, в качестве своего основного звена содержит «формулу обряда» — перечень этапов ритуала, сопровождающего прием почетного гостя¹. Явившемуся к Пандавам риши **Брихадашве** Юдхишхира «оказал почести в соответствии с шастрами [подношением] медовой смеси» (*śāstravan madhuparkeṇa pūjāyāmāsa* 49.30)², и «когда тот, усаженный, отдохнул, сел рядом с ним» (*aśvastaṁ cainam āsīnam upāsīno* 49.31).

При встрече патриарха Бхишмы и риши **Пуластыи**, перед началом рассказа мудреца о тиртах Бхишма, «согласно предписанному законом обычаю» (*vidhidīṣṭena karmanā*), оказал ему почести (*pūjāyāmāsa*), поднеся почетный напиток *аргхья* (80.17, 18). Когда появился риши **Ломаша**, посланный Индрой, чтобы вести Пандавов в паломничество, герои поднялись (*udatiṣṭhan* 89.2), оказав ему почести согласно обычаю (*tam abhyarcya yathānyāyam* 89.3). Вместе с Кришной Пандавы «восславили» (*ānarcuḥ* 180.40) пришедшего риши **Маркандею**, и только тогда, когда тот, «усажен-

¹ О правилах общения персонажей в «Махабхарате» см. [Невелева 1999: 157–182]. О древнем обряде гостеприимства см. [Кудрявский 1891: 85–134; 1896; 1904].

² Используется критическое издание текста «Шантипарвы» [The Mahābhārata 1954].

ный», хорошо отдохнул (*suviṣvastam āsīnam* 180.41), Юдхиштхира обращается к нему с вопросом.

Прием Пандавами божественного риши **Нарады** не отличается от описанных: герои предстали (*upatasthuh*) перед ним, поднеся ему, «как положено по обычаю» (*yathānyāyam*), воду для омовения ног (*падья*) и аргхью, почетный напиток (180.49). Завидев риши **Вьясу**, общего предка Пандавов и Кауравов, Юдхиштхира, «поднявшись ему навстречу, принял его, как положено по обычаю» (*pratyudgamaṃ ... pratyagrhnād yathāvidhi* 245.9), и, «когда тот был усажен, сел рядом с ним» (*tam āsīnam upāsīnaḥ* 245.10).

В картине встречи Пандавов с мудрецами-риши, которая соответствует требованиям *грихьясутр*, усматриваются общекультурные черты приема гостя. Вербальная сторона гостеприимства — приветствование появившегося гостя (обозначаемое производными от корня *arg*), а вещественная — оказание ему почестей (используется корень *rīj*) подношением «даров» (в числе которых аргхья, мадхупарка, падья; «сидение» *āsana* заменяется обычно причастием «усаженный» от корня *ās* «сидеть»).

По своему «социальному статусу» риши, вступающие в беседу с эпическими героями, по преимуществу, «дваждырожденные», т. е. брахманы: *dvijasattama*, *dvijaṣreṣṭha*, *dvijottama* «лучший из дваждырожденных» (181.7, 189.28, 192.2, 206.33) о Маркандее и Ломаше, основных повествователей в книге «Лесной». Однако эпос не выделяет в этом отношении риши Нарладу, который вступает в контакт с героями, хотя он, в отличие от «земных» мудрецов-брахманов, — *божественный* риши (*devarṣi* 134.8, 172.17, 180.47), посланец богов, связующий земной и небесный миры. Очевидно, что ритуальный фон происходящего перед началом беседы святых мудрецов с Пандавами прямо указывает на соблюдение древнего обряда приема почетного гостя-брахмана.

Эмоциональное состояние Пандавов перед появлением риши можно охарактеризовать как кризисное, что изначально обусловлено их положением изгнанников, претерпевающих тяготы лесной жизни. По условиям проигранной ритуальной игры в кости герои лишились царства и должны были удалиться в леса на двенадцать лет [Махабхарата 1962]. Страдают от горя (*duḥkhārta* 49.3) Пандавы, когда Арджуна, в преддверии битвы с Кауравами, уда-

ляется на небо Индры за волшебным оружием. Юдхиштхира жалуется риши **Брихадашве** на свои невзгоды (49.31), и тот рассказывает ему о Нале (Сказание о Нале, главы 50–79), который был еще более несчастен (*duḥkhitara* 49.38), чем он. Наля наступила такая же беда (*duḥkham etādṛśam* 78.6, 7), но он противостоял ей в одиночку, меж тем как рядом с Юдхиштхирой во множестве верные спутники. Свой рассказ риши заключает словами о том, что, выслушав эту повесть, сможет *утешиться* (*śakyam āśvāsītum* 78.10) попавший в такую беду, и взывает к царю Юдхиштхире: «Утешься! Не печалься!» (*samāśvasiḥi mā śucaḥ* 78.11).

Однако Пандавы по-прежнему погружены в тоску и печаль (*duḥkhaśokaparāyaṇāḥ* 79.4), живут «без радости в душе» (*ahṛṣṭamanasaḥ* 79.10), «пребывают в смятении» (*utsukaḥ* 80.1). Явившийся к ним риши **Нарада**, *утешил* (*āśvāsayat*) Юдхиштхиру, отвечая на вопрос о плодах, которые обретаются паломничеством к священным тиртхам. Мудрец пересказывает ему беседу об этом между Пуластьей и Бхишмой (главы 80–83) и *предрекает* Пандаве победу над врагом и великую славу (83.107–112), тем утешая его (*āśvāsyā* 103.113). Но даже слова божественного риши не способны облегчить страдания героев: они по-прежнему «в смятении» (85.1), печаль живет в их сердцах (*dinacetasaḥ* 85.1), и тогда брахман-пурохита **Дхаумья**, родовой жрец Пандавов, в *утешение* им (*āśvāsayāṁs* 85.1) разворачивает перед их мысленным взором картину паломничества к тиртхам (главы 85–88) и *предсказывает* избавление от всяческих препон (*utkaṅṭhaṁ* 88.30), если Юдхиштхира вместе с братьями обойдет эти святые места. Готовый вести Пандавов в паломничество, риши **Ломаша**, узнав, что «горем сжигаем» (*duḥkhasamṭapta* 92.1) Юдхиштхира, *предрекает*: посещение тиртх послужит его благоденствию и победе над недругом (92.16–22).

Пророчество эпических риши о грядущей победе царя в битве в трех последних случаях: во-первых, когда речь идет о пересказанной Нарадой беседе Пуластьи и Бхишмы о плодах паломничества; во-вторых, о мысленной тиртхаятре Дхаумьи и, в-третьих, об обхождении святынь под началом риши Ломаша — основывается на признании высочайшей ценности индуистской практики паломничества, которая должна способствовать, как свидетельствует текст, *преобразованию личности*, устранению из мироощущения человека двух «зол», выраженных понятиями

duḥkha, «беда» как событие, и śoka — «горе», «отчаяние», как переживание этого события. Однако едва ли можно сказать, что в тексте всегда разграничены значения этих кардинальных для контекста понятий¹.

Риши **Маркандее**, подвижнику, который прожил на свете немало тысячелетий, Пандавы оказывают традиционный прием: встречают его так, как подобает встречать почетного гостя-брахмана (180.39–42). С той же почтительностью, по всем правилам принимают они и явившегося повидать героев божественного мудреца **Нараду** (180.47, 48), и затем **Маркандея** открывает беседу (главы 181–221), «программу» которой задает Юдхиштхира вопросами о различных гранях трудноисполнимой дхармы, о древних царях, богах и тех, что враждуют с богами. И если тиртхаятра Пандавов (Сказание о паломничестве к тиртхам, главы 80–153), по определению Я.В. Василькова — «паломнический путеводитель», представляет собой надежный источник сведений по географии древней Индии, включающий мифологическую «историю» сакральных мест, то беседа **Маркандеи** — это иллюстрируемый индуистской мифологией кладезь социально-этических установлений, то самое высшее Знание, которое брахманы-риши передают эпическим героям. Предсказание **Маркандеи** открывает Пандавам *тайну* их миссии на земле: им предназначено исполнить волю богов — покарать их недругов (181.39). Выслушав наставление (śāsanam) риши «о дхарме прошлого и будущего», возликовали (prahṛṣṭāḥ) Пандавы (189.30).

На последнем, двенадцатом году изгнания, наполненного «величайшим страданием» (duḥkham uttamam 245.2, 5), явился навестить героев **Вьяса**. Адресованный Юдхиштхире призыв «Ты не должен печалиться!» (na śokam kartum arhasi) риши сопровождает *пророчеством*, предсказывая, что пройдя через суровое подвижничество, тот вновь обретет царство (247.46).

Мудрец-риши Маркандея, поведав о безмерном горе (apratimam duḥkham) Рамы (258.1), у которого, как и у Юдхиштхиры, была похищена супруга (Повесть о Раме, главы 258–276), взывает к Юдхиштхире: «Не предавайся печали!» (mā śucaḥ 276.2, 12). Внимая

¹ Ввиду неоднозначности понятия śoka («горе», «отчаяние», «тоска», «печаль» и т. п.) единый перевод такой лексики вне терминологического поля едва ли возможен.

пророчеству риши о победе в сражении с недругом (276.5–12), «утешенный» (*āśvāsita*) рассказом о подвигах Рамы, Юдхиштхира, «отринув горе» (*tyaktvā duḥkham*), стал «беспечален душой» (*adīnātmā* 276.13). Маркандея воспеваёт подвижницу Савитри, одолевшую в агонистическом диалоге бога смерти Яму (Повесть о Савитри, главы 277–283), и *предсказывает*, что супруга Пандавов Драупади также спасет весь их род (283.15). Выслушав наставление риши, Юдхиштхира стал «беспечален и бестревожен» (*viśoka, vijvara* 283.16).

По истечении двенадцатилетнего изгнания Пандавы по условию игры должны год провести неузнанными, в чужом обличье. Юдхиштхира, измученный лишениями, охвачен горьким отчаянием (*duḥkhaśokārtaḥ* 299.7), и брахманы вместе с братьями утешают его (*tam āśvāsayan* 299.8). Последним к царю обращается пурохита Дхаумья, упоминая случаи, когда боги, дабы покарать врагов, изменяли свой облик, и *предсказывает* Юдхиштхире победу над недругом (299.19). Теперь тот удовлетворен (*samparitoṣitaḥ* 299.20).

Следует отметить, что Дхаумья наряду с риши Маркандеей, а ранее Брихадашвой использует, в утешение Пандавам, прием *сюжетной аналогии*, выступая, как и другие святые мудрецы книги «Лесной», прорицателем будущего героев, их грядущей победы.

В ряде фрагментов бесед, которые ведут эпические риши с героями, иногда появляется *пхалашрути* — «плод слушания» (или рецитации) текста с особым значением. Так заканчиваются, помимо упомянутой истории Наля и Дамаянти и тиртхятры Пуластыи, в беседах Маркандеи сказание о прародителе Ману (главы 185–189), а также завершающий книгу «Лесную» брахмодийский диалог Юдхиштхиры с богом Дхармой (главы 297, 298). Термин *śruti* включает понятие сакрального Знания, поэтому можно считать, что пхалашрути используется эпической словесностью как прием сакрализации текста, понимаемого как ритуальный эквивалент. Очищение от греха, преодоление невзгод, достижение благосостояния, намеченной цели, успеха, победы и, наконец, обретение небес — вот те важнейшие блага, о которых просили богов в гимнах еще ригведийские риши, и о тех же самых «вечных ценностях» говорят Пандавам эпические мудрецы-риши, используя силу священной Речи.

Перейдем к событиям «Шантипарвы», первая глава которой содержит прямую отсылку к заключительным событиям предыдущей книги — «Стрипарвы», «О женах» [Махабхарата 1998: 93–95] и воспроизводит «формулу» описанного там ритуала в память о воинах, павших на поле брани¹. Отмечается всеобщий, коллективный характер происходящего действия: совершавшие поминальное возлияние воды (kṛtodakāḥ 1.1, 3) Пандавы, риши Видура, Дхритараштра, царь Кауравов, и «все жены бхаратов» почтили по отдельности *каждого* из погибших сородичей. Дабы совершить после соприкосновения со смертью предписанное ритуальное очищение (śaucam 1.2), Пандавы прожили месяц вне Хастинапуры, за пределами города, на священном берегу Ганги. Далее следует краткое описание обряда гостеприимства: повидать Юдхиштхиру прибыли брахманы, среди которых присутствует и божественный риши Нарада. Очевидно, что хотя бы краткое, как здесь, упоминание приема почетного гостя-брахмана («приняв подобающие почести, они направились к богатым сидениям», а затем «расположились вокруг Юдхиштхиры» 1.6, 7) является общим местом в контекстах, связанных с появлением мудрецов-риши в том сакральном месте, где пребывают эпические герои.

Брахманы принимают *утешать* (āśvāsayanto) царя, «чья душа томится печалью» (śokavyākulacetā 1.8), а риши Нарада провозглашает: «Теперь не должно бы горе мешать тебе, когда ты обрел Шри» (na tvam śriyam grāya śokaḥ prabādhat 1.12; важно отметить, что Шри символизирует царскую славу, успех и благоденствие). Однако в сердце Юдхиштхиры постоянно живет «тяжкая боль» (mahad duḥkham 1.13) оттого, что он обрек на гибель своих сородичей, но еще большее горе его гнетет (asmi duḥkhena yojitaḥ 1.18) из-за гибели Карны, старшего брата Пандавов, который пал в бою от руки Арджуны (1.35)².

О родстве Пандавов с Карной Юдхиштхира узнал слишком поздно, только во время поминального возлияния воды (toyakarmanī 1.22), и это безмерно терзает его сердце (dūyate 'tīva hṛdayam 1.38). Теперь Юдхиштхире известно, как погиб его старший брат, тайну

¹ Подробно о ритуале udakakriyā (или toyakarman) см. комментарий Я.В. Василькова [Махабхарата 2005: 188–190].

² Оплакивание Юдхиштхирой Карны, которое занимает большую часть первой главы (шлоки 17–43), проникнуто подлинным лиризмом; о плаче в «Махабхарате» см. статью Я.В. Василькова [Махабхарата 1998: 133–158].

рождения которого от бога Солнца хранила Кунти [Махабхарата 1998: 94], он знает, что именно произошло, когда «земля поглотила во время битвы колесо его (колесницы)»¹, но полагает, что истинная причина гибели Карны — некое проклятье (1.43).

Право эпического мудреца на то, чтобы высказать истину, поведать о том, «как все было на самом деле» (*sarvaṃ yathātatham*)², мотивировано, как обычно, его мудростью и всеведением, знанием прошлого и будущего: «ибо всеведущ ты, мудр и знаешь, что было и чего еще не было в мире» (1.44)³.

Вводная часть беседы риши Нарады с Юдхиштхирой по своим основным чертам (брахманская аудитория слушателей, душевный кризис героя, совершение ритуала приема почетного гостя-брахмана, а также общеэпические требования к повествованию святого мудреца и, наконец, особо значимая тема (здесь — брахманское проклятие, важнейший для эпоса мотив) соответствует сложившейся традиции эпических бесед.

Характеристику Нарады-повествователя — «лучший из владеющих Словом» (*vadatām vara* 2.1), если учесть его статус *devarṣi*, можно считать, по всей видимости, отсылкой к образу ригведийского *кави* в его отношении к священной Речи, которое свойственно и эпическим брахманам-ритуалистам. Ср., однако, в «Араньякапарве» *vadatām śreṣṭha* (49.43) «лучший из повествующих» о Брихадашве, который рассказывает «романический эпос» — повесть о Нале и Дамаянти; *kuśālo hy asi bhaṣitum* (126.3) «искушен ты в рассказывании» о Ломаше, излагающем «историю» священных тиртх, — такие определения мудрецов-риши, скорее всего, подчеркивают совершенство их сказительского дара, обретенного свыше.

Беседа Юдхиштхиры и риши Нарады отличается тем, что в центре ее один из главных, если не ключевой, персонаж «Махабхараты» с трагической судьбой. И, видимо, не случайно отчаяние Юдхиштхиры связано, в первую очередь, с его гибелью. Свой рассказ о том, «как был проклят Сын суты»⁴, а, по существу,

¹ О гибели Карны в поединке с Арджуной см. [Махабхарата 1990: 225–230].

² Правдивость, полнота и достоверность — таковы постоянные, формульно выраженные требования к рассказчику в эпосе.

³ Ср. о риши Маркандее в книге «Лесной»: «Нет во всех мирах ничего, что было бы неизвестно тебе (*na te 'sty aviditam kiṃcid sarvalokeṣu* 186.12).

⁴ Это именование Карны содержит в максимально свернутом, как и в других прозваниях эпических персонажей, виде отсылку к сюжету о тайно рожденном Карне-

всю историю жизни Карны, воина-кшатрия, Нарада начинает словами о том, что «это тайна богов» (*guhyaṃ etat tu devānām*), т. е. сакральное Знание¹: не может «кшатрий иначе попасть на небо, нежели пройдя очищение оружием» (*śāstrapūtam* 2.2, 3)².

Общий наставник Пандавов и Кауравов, брахман-воин Дрона, обучил Карну *дханурведе*, военной науке, затем по совету наставника тот отправился к Рама Джамадагнье и хитростью, назвавшись брахманом из того же, что и тот, рода Бхригу, получил от него оружие Брахмы. Однажды Карна случайно убил жертвенную корову брахмана, занятого отправлением *агнихотры*³, и тот обрушил на него проклятье: когда тот будет сражаться со своим извечным соперником, земля поглотит колесо его колесницы (2.26, 27). Безуспешны были попытки Карны умиловить брахмана, которому он предлагал в дар коров, богатства и драгоценности (так называемый «каталог потлача» — 2.28). Позднее Рама, раскрыв обман Карны, что тот не брахман, а кшатрий, прогоняет его от себя со словами: «Откроется тебе оружие Брахмы, но не тогда, когда сойдешься ты в смертном бою с тем, кто равен тебе!» (3.33). Таким образом, судьба Карны, который был славен мощью своего оружия (5.6), предопределена проклятием некоего брахмана и Рамы Джамадагньи.

Подобно традиционному эпическому сказителю, Нарада, обращаясь к тематике героического «слоя» эпического содержания, описывает воинские подвиги Карны. Для участия в царском обряде *сваямвара*, брачном турнире, к царю калингов⁴ прибыли отовсюду и млеччи, и арьи, правители Севера, Востока и Юга (4.1–10). Участие Карны вместе с Дурьодханой в похищении цар-

подкидыше, усыновленном сutoй Адхиратхой, другом Дхритараштры, царя Кауравов; ср. матроним Карны Радхей, т. е. «сын Радхи», по имени его приемной матери, супруги Адхиратхи.

¹ В книге «О жизни в обители» Нарада, беседующий с отшельниками, утверждая высочайшую ценность аскезы, сообщает им «тайну богов»: «величайший подвижник» — царь Дхритараштра — завершает свой земной путь [Махабхарата 2005: 42–44].

² О метафоре «битва-жертвоприношение» как способе осознанного соотношения сказителями сюжета эпического действия и ритуала см. [Васильков 2010: 270–289].

³ Агнихотра — ежедневный обряд жертвоприношения огню, в ходе которого ранним утром и вечером в огонь возливают молоко или растопленное масло.

⁴ Калинги — народность, населявшая территорию современной Ориссы; в «Махабхарате» называется в числе варваров-млеччхов, чуждых культуре Мадхьядеши, Срединной земли, в Ямуно-Гангском междуречье.

ской дочери и битве с разъяренными царями-чужеземцами (4.11–21) и его бой с Джарасандхой, царем Магадхи (5.1–5), демонстрируют воинскую мощь Карны.

Ссылка Нарады на эпизод из книги «Лесной» позволяет понять, почему этот доблестный воин, не знавший себе равных, был сражен Арджуной. Индра, действующий во благо Пандавам, явившись к Карне под видом брахмана (а брахманов надлежит одаривать), получил от него в дар доспехи и серьги, лишив того символов бессмертия, дарованных ему при рождении отцом, богом Солнца [Махабхарата 1987: 572–588].

В числе причин, приведших к гибели героя, помимо главных (брахманского проклятья, а также хитрости Индры) Нарада называет происки Кришны, который подтолкнул Арджуну к вероломной расправе над Карной¹, как бы снимая тем самым вину с самого Арджуны. В заключение рассказа о Карне-воине риши обращает свой призыв к Юдхиштхире: «Не следует горевать о нем, ибо встретил он смерть в бою!» (5.15). Иными словами, таков путь кшатрия на небеса (тогда как брахмана — через ритуал жертвоприношения).

В третьей книге, «Лесной», святые мудрецы, утешая Юдхиштхиру в его невзгодах, предрекают ему победу над недругом, стараясь укрепить воинский дух царя перед предстоящей битвой. В «Шантипарве» ситуация совершенно иная: тяжело доставшаяся Юдхиштхире победа «видится ему поражением» (1.14). Даже после беседы с божественным риши Нарадой, глубинный посыл которой сводится, по существу, к апологии верности шатрийской дхарме², Пандава «исполнен отчаяния» (*śokapariplūta* 6.1), «совсем пал духом», «поник головой», «в смятении» (*dīnamanas, adhavadana, atura* 6.2). Т. е. *катарсиса*, разрешения душевных противоречий героя, под влиянием благой беседы мудреца Нарады не происходит, как было в самом конце лесного изгнания Пандавов, после того, как они выслушали на-

¹ Кришна, колесничий Арджуны во время боя, припомнил обиды Пандавов, нанесенные Кауравами, которыми предводительствовал Карна, и этим подтолкнул Арджуну к расправе над ним [Махабхарата 1990: 175–182].

² Верность кшатрийской дхарме — это и есть та самая «тайна богов», которая должна «навести» Юдхиштхиру на понимание истины: в любых обстоятельствах царь должен оставаться кшатрием, не отрекаясь от круга своих обязанностей. Эта мысль проходит красной нитью сквозь изложение раджадхармы.

ставление брахмана-пурохиты Дхаумьи. Далее в «Шантипарве» следует серия контактов совершенно иного рода: царь Юдхиштхира вступает в диалог с другими персонажами эпоса, в первую очередь с членами его семьи, которые стараются убедить его, преодолев отчаяние, снова принять бразды правления и вершить царскую дхарму.

В свете заключения Т.Я. Елизаренковой о «лексической синонимии в древнеиндийском языке», когда в качестве синонимов выступают те лексические группы, которые связаны с концептуально важными понятиями» [Елизаренкова 1993: 69], следует вновь обратить внимание на лексику, выражающую душевное состояние Юдхиштхиры и его близких уже *после* беседы с Нарадой.

Первой к своему сыну обращается одна из старейшин семьи — его мать **Кунти**, «тело которой сковано горем», «душа объята отчаянием» (śokaparītāngī, duḥkhopahatacetaśi 6.3), она взывает к нему: «Ты не должен из-за того печалиться! Отринь страдание!» (nainam śocitum arhasi jahi śokam 6.4).

Однако Юдхиштхира, «рассудок которого помутился от горя» (śokavyākulacetanaḥ 6.9), «охваченный безмерным отчаянием» (atiduḥkhasamānviṭaḥ 6.10), «погрузившись душой в печаль» (śokaparītātma 6.12), «измученный болью, сник (nirvedam akarod... sañtārapīḍitaḥ 6.12), подобно огню, сокрытому дымом». «В смятении чувств от горя, терзаемый отчаянием» (śokavyākulacetanaḥ, duḥkhasañtaptaḥ), «печалился» (śuśoca) Юдхиштхира, вспоминая о Карне (7.1), и не случайно, «одолеваемый тоскою и болью» (duḥkhaśokabhyām), «измученный страданием» (śokakarṣitaḥ), он обращает свой взор на **Арджуну** (7.2), проклиная кшатрийскую дхарму (7.4).

Царь Дритараштра, старейший из оставшихся в живых сородичей, потеряв убитыми своих сыновей, горюет (śocati 7.32), «ввергнутый в пламя отчаяния» (śokāgnau 7.28); иссякла вражда между Пандавами и Кауравами, но горе терзает (śoko rundhyati 7.33) Юдхиштхиру, и он считает, что единственный выход — это полный разрыв мирских связей, удел *санньясина*: «Я ухожу, оставив ... царство, свободный, не знающий горя» (7.39, 40)¹.

¹ Далее разговор Юдхиштхиры с братьями насыщен терминологией индуистских социально-этических и религиозно-философских концепций позднего эпоса, введение которых позволяет значительно расширить тему дискуссии о царской дхарме.

Закономерна реакция Арджуны на это решение старшего брата, вознамерившегося оставить царство: «О горе! О несчастье! О беда несказанная!» (aho duḥkham aho kṛścchram aho vaiklavuam uttamam 12.35). И эти слова стоят в одном ряду с другими, определяющими эмоциональный фон начала «Шантипарвы».

Лейтмотивом рассуждений Арджуны о неотложном долге Юдхиштхиры как царя служит его утверждение: «Настало для тебя время совершить богатое жертвоприношение со всевозможной дакшиной» (8.35), что и происходит в книге о жертвоприношении коня — «Ашвамедхикапарве» [Махабхарата 2003], которая следует за «Шантипарвой» и «Анушасанапарвой», т. е. за полным наставлением Бхишмы.

Как можно заметить, лексика, производная от корня śuc «печалиться», и та, что ей синонимична, в изобилии представлена в тексте начальных глав «Шантипарвы» (с первой по восьмую), характеризую остроту переживания Юдхиштхирой своего раскаяния и *личной* вины. Однако количество такой лексики существенно убывает, когда в разговор вступают близкие Юдхиштхиры, чувства которых не во всем определяются состоянием, называемым śoka: их задача — убедить Пандаву вернуться к правлению. И все же по мере переключения внимания с утешения царя в его горе на различные детали *радждхармы*, понятия, связанные содержанием с термином śoka, не выходят полностью из употребления до самого конца разговора Юдхиштхиры с членами семьи, после чего вступают в беседу с ним Кришна и святые мудрецы-риши.

Так, **Накула** сетует, обращаясь к Юдхиштхире: «Кто же из тех, что одолели своих врагов, станет печалиться (śocet), ... если верен он дхарме!» (12.35). И далее: «Ты не должен ныне печалиться!» (na śocitavyaṁ bhavatādyā 12.36). **Драупади** укоряет супруга: «Твои братья тоскуют (śuṣyanta), словно чатаки, ... а ты не утешаешь их» (14.6), и призывает: «Не впадай в уныние, царь!» (mā gājan vīmanā bhava 14.38). Даже бесстрашный, неистовый Бхимасена только «в безмерном горе» (atiduḥkhāt 16.3) дерзает бросить упрек своему старшему брату. **Арджуна** огорчен, «уязвленный пиками речей царя, терзаемый болью и горем» (sañtaptaḥ śokaduḥkhābhyaṁ rājño vākśālyāpīḍitaḥ 18.1).

Описанный в древнеиндийских *грехьясутрах* ритуал śokārapodana, «изгнание śoka», злокозненного начала в эмоцио-

нальном состоянии семьи после смерти родственника¹, должен совершаться до ее возвращения в обыденную жизнь. Картина, нарисованная эпосом, в основном соответствует ритуальным предписаниям. Необходимые действия, составляющие продолжение похоронного обряда, совершаются за пределами Хастинапуры, столицы царства, и очевидно направлены на устранение того негативного воздействия, которое оказывает гибель сородичей Пандавов на мироощущение Юдхиштхиры (он терзается чувством вины, горьким отчаянием).

Из контекста ясно, что мудрец-риши Нарада сосредоточен, главным образом, на утешении *царя* и возрождении в нем духа воителя, тогда как вся семья в целом прилагает немалые усилия к тому, чтобы убедить Юдхиштхиру вернуться к правлению царством. Все это позволяет увидеть в том, что происходит в начале «Шантипарвы», определенное ритуальное действие, носящее сугубо *царский* характер и совершаемое при активном участии брахманов.

Даже после утешительной беседы с мудрецом Нарадой и стараний семьи убедить Юдхиштхиру в необходимости вернуть царскую дхарму он по-прежнему удручен горем, и тогда (после главы 19) вводится целая серия благих поучений святых риши и в конце — наставления **Вьясы**, а затем **Кришны**, важнейшие для Пандавов. И только тогда, после того как Юдхиштхира выслушал речи мудрейших, цель «утешителей» оказалась достигнута: он «отринул душевную боль и страдание и обрел душевный покой» (*vyajahān mānasaṁ duḥkhaṁ sañtāpaṁ ca <...> manasaḥ śāntim agacchat 38.28, 29*), т. е. «умиротворенность», то самое состояние, на достижение которого и были направлены усилия окружения Юдхиштхиры перед его инаугурацией. По возвращении в Хастинапуру, выслушав наказ риши **Вьясы** — совершить во имя искупления содеянного (*prāyaścitta*) обряд *ашвамедха*, жертвоприношение коня, Юдхиштхира принимает посвящение на царство (главы 39–42).

Многочисленные ритуальные реминисценции «эпической» части «Шантипарвы», при очевидной невозможности их *прямого*

¹ Эта тема в связи с «Шантипарвой» освещается Джеймсом Л. Фитцджеральдом [Mahābhārata 2004: 123–132]; см. также доклад Мунео Токунага на Международной конференции санскритологов [Muneo Tokunaga 2003].

этнографического прочтения, не заслоняют того факта, что в тексте используются *только* семантика и главные черты ритуальной схемы, содержательное наполнение которой достигается в «Махабхарате» с помощью композиционных (беседа царя с мудрецом как форма передачи Знания) и стилистических (развитая синонимия ключевого понятия) приемов, выработанных в сложившейся эпической традиции.

Библиография

- Васильков Я.В.* Происхождение сюжета «Кайратапарвы» («Махабхарата» III. 39–45) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974. С. 139–158.
- Васильков Я.В.* «Махабхарата» и потлач (этнографический субстрат эпического сюжета) // Санскрит и древнеиндийская культура: Сборник статей и сообщений. Ч. I. М.: Наука, 1979. С. 73–82.
- Васильков Я.В.* Эпос и паломничество (О значении «паломнической» темы в «Махабхарате» // Литературы Индии. Статьи и сообщения. М.: Наука, 1979 а. С. 3–14.
- Васильков Я.В.* Миф, ритуал и история в Махабхарате. СПб.: Европейский Дом, 2010. 398 с.
- Елизаренкова Т.Я.* Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука, Восточная литература, 1993. 316 с.
- Кудрявский Д.Н.* Грихья-сутры как источник для истории индоевропейской бытовой культуры // Живая старина, 1891. С. 85–134.
- Кудрявский Д.Н.* Прием почетного гостя по древнеиндийским правилам домашнего ритуала // Журнал министерства народного просвещения. Часть СССV. СПб.: 1896. 35 с. (оттиск).
- Кудрявский Д.Н.* Исследования в области древне-индийских домашних обрядов. Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1904. 260 с.
- Махабхарата. Книга первая, Адипарва // Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. СПб.: Наука, Литературные памятники, 2006. 736 с. (Репринт 1950 года).
- Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва (О собрании) / Пер. с санскр. и коммент. В.И.Кальянова. М.; Л.: Наука, Литературные памятники, 1962. 257 с.
- Махабхарата. Книга третья, Араньякапарва (Лесная) / Пер. с санскр., предисл., коммент. и толк. словари Я.В.Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 798 с.
- Махабхарата. Книга восьмая, Карнапарва (О Карне) / Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 325 с.

- Махабхарата. Книга десятая, Сауптикапарва (Об избиении спящих воинов); Книга одиннадцатая, Стрипарва (О женах) / Пер. с санскр., коммент. и статьи. Изд. подгот. С.Л.Невелева и Я.В.Васильков. М.: Янус-К, 1998. 235 с.
- Махабхарата. Книга четырнадцатая, Ашвамедхикапарва (О жертвоприношении коня) / Пер. с санскр., коммент. и статьи / Изд. подгот. Я.В. Васильков и С.Л. Невелева. СПб.: Наука, Литературные памятники, 2003. 308 с.
- Махабхарата. Заключительные книги (XV-XVIII) / Пер. с санскр., коммент. и статьи. Изд. подгот. С.Л.Невелева и Я.В.Васильков. СПб.: Наука, Литературные памятники, 2005. 305 с.
- Невелева С.Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 228 с.
- Невелева С.Л. Правила общения в «Махабхарате» // Этикет у народов Южной Азии. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 157–182.
- Невелева С.Л. Мудрец-сказитель в Махабхарате (к проблеме эпического текстосложения) // Colloquia et Indogermanica. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV, ч.1. Отв. ред. Н.Н.Казанский. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 277–294.
- Невелева С.Л.^a Эпические риши (по данным Махабхараты) // *Orientalia et Classica. Papers of Institute of Oriental and Classical Studies. Issue XX. Indologica*. Т.Уа. Elizarenkova Memorial Volume. Book I. Comp. and ed. by L.Kulikov, M.Rusanov. М.: Издательский центр РГГУ, 2008^a. С. 329–351.
- Невелева С.Л. Сюжет о Карне в третьей книге Махабхараты («сознание инициации») // Махабхарата: Художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 40–51.
- Невелева С.Л. О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Махабхарата: Художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 114–150.
- Невелева С.Л. «Моление о даре» (типология эпического гимна) // Махабхарата: Художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 151–172.
- Невелева С.Л. Махабхарата. Книга X. Об избиении спящих воинов // Махабхарата: Художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 173–196.
- Невелева С.Л. Эпическая ашвамедха (Махабхарата, книга XIV) // Махабхарата: Художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 197–218.
- Невелева С.Л. Древнеиндийская эпическая метафора (по данным «Махабхараты») // Зографский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 20–40.

Невелева С.Л. Природа в «Махабхарате» (типовой мотив-«описание») // Зографский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. М.Ф.Альбедиль, Я.В.Васильков СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 60–76.

The Mahābhārata. Book 13, Śāntiparvan (The Book of Conciliation). Crit. ed. Vol. XIII. Poona, 1954. (Текст на санскрите).

The Mahābhārata. Book 11, The Book of the Women; Book 12, The Book of Peace. Part One. Transl. by James L. Fitzgerald. Chicago: University of Chicago Press, 2004. P. 123–132.

Muneo Tokunaga. Bhiṣma's Discourse as a Śokāpanodana // Epic Undertakings: Papers of the 12th World Sanskrit Conference. Vol. 2. Helsinki, July 15, 2003. (Оттиск)

Vassilkov Ya. V. Indian practice of pilgrimage and the growth of the Mahābhārata in the light of new epigraphical sources // Stages and Traditions: temporal and historical frameworks in epic and purāṇic literature. Zagreb, 2002. P. 133–157.